

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМЯТИ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ЮДИНА

6 августа 2017 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался Борис Григорьевич Юдин – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», член Редакционного совета журнала «Идеи и Идеалы». Ниже мы публикуем воспоминания об этом замечательном человеке людей, хорошо знавших его и работавших с ним.

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ: НА СМЕРТЬ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ЮДИНА (1943–2017)

П.Д. Тищенко
Институт философии РАН,
Москва, Россия
ptishchenko@bioethics.ru

В воскресенье 6 августа 2017 г. умер Борис Григорьевич Юдин. До последних часов он размышлял над еще не решенными проблемами, спорил, планировал. Его непосредственной заботой была подготовка международной конференции «Биотехнологии улучшения человека: социальные и этические аспекты», запланированная на 12–13 октября 2017 г. Так получилось, что в пятницу и субботу мы с Е.Г. Гребенщи-

ковой, П.Д. Тищенко и Б.Г. по интернет-почте и скайпу готовили вводную статью к сборнику тезисов этой конференции. Он был спокоен и как всегда ироничен, немного уставший... Утром в субботу прислал свой вариант статьи. В 18:43 прочел предложения Е.Г. Гребенщиковой и одобрительно ответил: «Вперед и с песней!». В полночь внес небольшую правку. Через несколько часов его не стало...

Возможно, это воспоминание покажется слишком личным, мелким перед лицом столь громадной катастрофы, как смерть. Но мне представляется, что в этом рассказе – ключ к пониманию философии Б.Г. Его завораживала загадочность сдвига, возможность сказать что-то по-иному, раскрыть для себя и другого (читателя, слушателя) что-то новое. Он был принципиально антидоктринален. Даже когда (не без влияния Э.Г. Юдина и В.Н. Садовского) он писал диссертацию по проблемам самоорганизации в русле системного анализа, его больше интересовала не общая теория систем, а системное движение, спор по поводу возможности общей теории. В момент возникновения системное движение предлагало не просто новые идеи, а новый язык для того, чтобы начать рассуждать в философии вне связи с языком советской философии. Этот язык открывал новую реальность, аутентично сопрягался с научным языком новой техногенной эпохи, был готов впитать и выразить весь творческий потенциал идей, не вмещавшихся в марксистские рамки. Очень многие, разочаровавшись в «единственно истинном» языке марксизма, нашли в системном анализе язык, на котором истина выговаривает саму себя. Какую проблему ни возьми, она превращалась в головоломку, для которой уже есть универсальная эвристическая отмычка. Но творческие ресурсы системного подхода достаточно быстро оказались исчерпанными, его просто заболтали так же, как раньше заболтали диалектику, а сегодня забалтывают синергетику. Как только системное движение кристаллизовалось в научное направление, стало институционализированным, его эта тема перестала интересовать.

Не знаю, как Б.Г. сам для себя осознавал эту ситуацию, но в конце 70-х годов он об-

ращался к новым темам и связанным с ними языкам философии. Он первым в нашей стране заговорил о проблемах философии науки, содействовал переводам классиков в этой области. Вместе с И.Т. Фроловым опубликовал первую и до сих пор единственную на русском языке книгу по этике науки. Но эти опыты освоения и трансплантации в русскую философскую речь новых языковых ресурсов и тематизаций не были поисками новой истинной философии, предполагающей наличие какой-либо общей теории. Нет, просто опыт освоения нового языка, на котором можно иначе выразить содержание проблем, реально стоящих перед человеком, оказался важным сам по себе – перед лицом реальных проблем, а не просто дисциплинарных головоломок (в смысле Т. Куна). В то время зазвучали «глобальные проблемы» и в качестве не просто теоретических, но жизненно-практических вернулись «старые» проблемы: проблема человека, его здоровья, экологии, морального достоинства.

Помню, в одной из аудиторий его спросили: «Неужели вы отрицаете возможность построения общей системной теории человека?». Он ответил: «Нет. Я даже готов сам что-то предложить к обоснованию возможности общей теории человека (всеобщей антропологии). Единственное, что я еще утверждаю, так это то, что таких антропологий может быть бесконечно много... И когда мы сталкиваемся с реальными проблемами человека, то ни одна общая теория не спасает». Любая теория интересна не сама по себе, а в той степени, в которой она предлагает разумные ответы на вопросы, которые ставит перед нами реальная жизнь. Подобного рода «философский практицизм» не случаен, если мы учтем, что первые шаги в философии Б.Г. делал в семинаре Г.П. Ще-

дровицкого, который пытался реализовать марксистский тезис о том, что жизнь надо не объяснять, а изменять. Поэтому смысл гуманитарного знания не теоретичен, а технологичен. В своих публикациях Б.Г. неоднократно обращался к идеям Щедровицкого, подчеркивая, что они во многом опередили свое время. Но именно в том времени, еще переполненном миазмами тоталитаризма, оставался неприемлемый для Б.Г. пафос единственно истинного учения, который мы без труда найдем и у Э.В. Ильенкова, и у Г.П. Щедровицкого, и у М.К. Мамардашвили, несмотря на все различия в стилистике его выражения.

Философия Б.Г. принципиально отличается от философии Щедровицкого не столько представлением о смысле знания и познания (здесь различия можно снять в общем предпонимании), сколько исходной установкой, признающей не просто возможность, но необходимость присутствия в опыте другого субъекта как принципиально инакомыслящего. Отличается неискоренимым любопытством к особенностям и непонятностям мыслей других – философов, ученых, политиков. Не отрицая важности инструментального плана проективной деятельности, Б.Г. сохраняет теоретически и реализует практически коммуникативный аспект преобразующего мир действия.

Поэтому философия Б.Г. – это не концепция, а его особый, философский образ жизни. Идея старая, ее выразил достаточно ясно еще Аристотель. Идеи в голове философа нужны для того, чтобы преобразовать не столько внешний мир, сколько свой собственный. Реализовать себя в присутствии другого, в мире в целом. Сегодня, когда онтологическое и этическое предположение о возможности единого закона для неба и

для морали поставлено под сомнение ходом жизни, у философии остается последнее (первое) основание – найти его в самой себе. Как и искусство может найти основание лишь в себе. Как и наука.

Формой жизни, в которой Б.Г. нашел себя, оказалась биоэтика. Чтобы понять смысл биоэтики, нужно поначалу исключить из рассмотрения ближайший смысл доброго отношения к животным и даже к жизни в целом. Изначален иной импульс мысли: первый постулат биоэтики – это запрет на претензию единоличного свидетельства от имени жизни с точки зрения чьей-то научной (медицинской, биологической), философской, богословской или любой другой позиции. Всё то, что мы можем знать о жизни и смерти, о нормальном и патологическом, о разумном и безумном, о благом и злом – обретается только в нашем совместном коммуникативном усилии понимания и различения. И это второй постулат биоэтики.

У Б.Г. не найдешь не только окончательного, но и промежуточного решения по любой конкретной проблеме, касающейся геномики, новых репродуктивных технологий, экспериментов на людях или пересадки органов. Читатель получает возможность поместить себя в сложную ситуацию спора, оппозиций различных точек зрения. Он не принуждается ни рационально, ни аффективно к тому, чтобы принять одну из них. Ему предоставляется возможность быть собой, высказать своим голосом свое понимание различия добра и зла в конкретных медицинских ситуациях. Философ (биоэтик) – это, воспользуясь терминологией Ю. Хабермаса, «местоблюститель» особого места встречи самых разных идей и мнений. Он же – «коммуникатор» (переводчик) и «фасилитатор» дискуссий. С огром-

ным удовольствием Б.Г. участвовал в работе разного рода биоэтических комитетов – отечественных, европейских, американских, азиатских, воплощая именно этот подход. В его работах роль философа и философии в современной науке осмыслялась в категориях биоэтического анализа, социогуманитарной экспертизы, социогуманитарного сопровождения биомедицинских инновационных проектов. В последних публикациях он развивал идеи технонауки, различая в ней внутренний (лаборатории в широком смысле) и внешний (образование, бизнес, правительство, общество) контуры.

Идеи технонауки как бы возвращают творчество Б.Г. к начальным опытам философствования в кружке Г.П. Щедровицкого. Но здесь есть радикальное отличие. Можно сказать, что современная наука (прежде всего биология и медицина) при всём своем механистическом и инструментальном отношении к жизни начинает включать в себя как существенно необходимую философскую рефлексию. Философия получает совсем иной статус по отношению к науке: она не просто объясняет, а изменяет, гуманитаризирует научную деятельность. В 2015 г. мы с Б.Г. опубликовали в «Вопро-

сах философии» статью о европейской конференции по проблемам развития конвергентных технологий, которую он назвал «Звездный час философии», указав на новую роль философии в современной науке. Критическая философская рефлексия включается в контекст новой научной рациональности, которую В.С. Стёпин назвал постнеклассической. Международный проект «Геном человека», в котором Б.Г. участвовал как основной эксперт-биоэтик от нашей страны, впервые включил исследование этических, правовых и социальных условий и последствий реализации достижений науки в финансирование самих научных проектов. Б.Г. руководил несколькими проектами в этой области, был членом этического комитета российского проекта «Геном человека». Следует подчеркнуть, что все современные научные мегапроекты с необходимостью включают критическую философскую рефлексию в контекст научного рационализма современного типа. Так, возникновение нейронауки сопровождается и обеспечивается нейроэтикой.

Борис Григорьевич достойно прожил свою жизнь, красиво и плодотворно.

Вечная ему память!

Павел Дмитриевич Тищенко, доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

ПАМЯТИ Б.Г. ЮДИНА**Т.А. Сидорова**Национальный исследовательский
Новосибирский государственный
университет,
Новосибирск, Россия

vasinatan@mail.ru

Не стало Бориса Григорьевича Юдина – авторитетного ученого, стоявшего у истоков биоэтики в России, одного из основателей системы этической экспертизы научных исследований, большого друга новосибирских философов, обладавшего притягательной харизмой человека с богатейшими познаниями, открытого и доступного для общения. Совместно с П.Д. Тищенко в нашей стране им была создана биоэтика как научное направление, подготовлено новое поколение ученых в этой области, сформировано профессиональное сообщество, которое консолидировалось вокруг этого по-настоящему большого человека. Б.Г. Юдин был автором не только основополагающих научных статей по биоэтике, под его руководством были созданы учебные пособия, по которым началось систематическое преподавание новой дисциплины в медицинских университетах и которые до сих пор остаются самыми популярными и востребованными в медицинском образовании. Б.Г. Юдин был заметной фигурой в биоэтике на международном уровне, благодаря ему к нам приезжали видные специалисты из разных стран, переводились и публиковались зарубежные научные материалы, он способствовал налаживанию постоянного участия наших ученых в научных мероприятиях в других странах и проведению различных международных форумов в России.

В моей профессиональной и научной деятельности мне посчастливилось нередко соприкасаться с Б.Г. Юдиным. Он был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации по биоэтике в МГУ. В 2013 г. волею случая на несколько дней Борис Григорьевич оказался в больнице новосибирского Академгородка. Несмотря на серьезные медицинские ограничения, всё время продолжал работать, воспользовавшись, как он говорил, этой необычной возможностью ускользнуть от повседневных обязанностей и завершить неоконченные статьи. В результате появилась новая редакция статьи о медицинской этике в России для американской Энциклопедии по биоэтике.

Этот эпизод вспомнился в связи с попыткой определить роль и значение Б.Г. в формировании российской биоэтики. Он много статей посвятил вопросам ее определения как дисциплины и социальной практики. Обозначение исторических вех позволяло увидеть перспективы и культурную специфичность биоэтики в нашей стране. Воспользовавшись случаем, мы с О.А. Донских взяли у Бориса Григорьевича интервью – рассказ очевидца о первых шагах биоэтики в России. В нем он заметил, что становление биоэтики в России происходило не в рамках прикладной этики, а в рамках исследований по философии науки, и лишь потом была выбрана и антропологическая

«ведомственная» принадлежность в связи с созданием Института человека. Рассказывая, как начиналось международное сотрудничество по вопросам биоэтики, Б.Г. отмечал, что в этой области существует конкуренция между разными международными структурами и организациями, такими как Совет Европы, ЮНЕСКО, ВМА. С горечью говорил о недооценке важности нашего активного участия в этом процессе. Приводил пример успешного результата такой работы – урегулирования проблемы клонирования человека путем принятия моратория. На вопрос о том, насколько заметна биоэтика в общем научном поле, Борис Григорьевич привел пример: число только российских участников Всемирного философского Конгресса в Афинах, членом оргкомитета которого он был, возросло в полтора десятка раз. На этом конгрессе Б.Г. Юдин был не случайно: в работе секций доминировала проблематика, связанная с биоэтикой. Он был занят чрезвычайно, но принял предложение нашей новосибирской группы совершить совместную экскурсию в Афинский исторический музей и с присутствием ему обаянием и юмором комментировал экспонаты.

Весной 2015 г. Борис Григорьевич Юдин в последний раз побывал в новосибирском Академгородке. Он откликнулся на давно вынашиваемую идею провести научную конференцию в НГУ. Привлекала возможность встречи на круглом столе по вопросам биоэтики, методологии науки, гуманитарной экспертизы научных исследований представителей различных научных и образовательных учреждений, врачей, философов, юристов. На конференции «Гуманитарная экспертиза и риски современной технонауки» Борис Григорьевич выступил с докладом о принципах добросовестности в исследовательской и публикационной практике. Круглый стол получился живым и ярким прежде всего благодаря его участию. За ужином он, как и всегда, был искрометен, щедр на истории и тоasty. Взглянув на нас, сказал с грустной ноткой: как я люблю к вам сюда приезжать, в Новосибирск...

Уход из жизни выдающегося человека, старшего коллеги невосполним. Светлая память Вам, дорогой Борис Григорьевич, и самая искренняя человеческая благодарность за Ваши труды.

*Татьяна Александровна Сидорова, кандидат философских наук,
доцент кафедры фундаментальной медицины Национального исследовательского
Новосибирского государственного университета*

IN MEMORY OF BORIS GRIGORIEVICH YUDIN

On August 6, 2017 Boris G. Yudin (Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Humanitarian Expertise and Bioethics Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Man", member of the "Ideas and Ideals" editorial board) died after a prolonged critical illness.